М-СКИЙ

Чувством жестокости вдохновлен,
Искрою геенского бесчеловечия объят,
На тунеядном поприще своем
Он зверством язвит моих собрат.
Взоры мутных его очес,
Нелюдских рук его терзанья
Игриво страшны, как разъяренный пес,
Как обломок адского зданья.
Ужасный образ человека,—
Мертвенность глядит с его лица,
Исхудалый от злотворности полвека,
Трупом дышит мертвеца.
Язвительна при помышлении тревога,
На свет кто его явил,
Созданье ли это бога,
Кознь ли адских сил.
Относится к кому сей тип —
Молвил на боку сего
Уязвленный им Архип.

Когда подавал я телеграмму,
Он ужаснейшую сыграл со мной драму .

Немилосердное небо судило родиться мне в заглохшей сельской глуши, от не видавших света стебельков,— напитаться их хладными, черными соками и отчуждиться от всего живого, ведущего к цели жизни — к плодотворности. Врученная мне проказница-судьба не дает ни малейшего проблеска света. Все кроет, заволакает глаза тучами непроницаемой мглы; и определила быть мне подножием величности безумной, внимать и преклоняться перед бессмысленными капризами заносчивых себялюбцев. Такой и г-н М-ский... Пусть стремятся под небеса слепые баловни судьбы.

1900 г. Октября 1 дня

* * *

Однажды ко мне в крошечную хату,
Летом в поздний час ночной,
Выплыв робко из-за сада,
Глянул кротко месяц золотой.
Я тогда с друзьями не играл,
С вином не осушивал бокала,
В любви сладостной не замирал —
Я одинок... Мне жизнь в том отказала.
Я, изнуренный, озлобленный и хмурый,
Извивался под непосильною борьбой
С душевной грозной бурей,
Разыгранной злой, безжалостной судьбой.
И вот ко мне месяц ласково глянул
С неземным, таинственно-беззвучным зовом,
Чтоб я шел, усталый, отдохнул
Под его нежным, светлозарным кровом.
Я внял покорно его зову; несмело
Угрюмой хаты порог переступил,
И мою истерзанную душу и измученнее тело
Мир иной, мир чудесный охватил:
Залито было все таинственным сияньем —
И безграничная глубь голубого небосвода,
И сад, отягченный сладостным дреманьем,
И душисто-густая заросль огорода.
Было тихо. Ночи сон не нарушался,
Мир людской — мятежный мирно почивал;
Молча ветер благовоньем упивался,
И соловей в кустах сладостно дремал.
Я — в недра запущенного сада:
Там рай отражался в полумгле,
Там клубились волны аромата,
Там стлались узоры теней по земле.
Там утихла и во мне борьба с невзгодой,
Грудь восторгом радостным заволновалась,

Душа слилась как будто бы с природой,
И с ней играла, говорила, целовалась.
И желал я, чтоб та ночь навеки осталась:
В ней не властны пытки тягостной судьбы,
Чтоб в ней душа с грудью наслаждалась
Без гроз, мучений и борьбы.
Но нет! Для меня та ночь была мгновеньем,
Подразнила и умчалась в покой небытия.
Нахлынули опять пытки с озлобленьем —
Ах!.. Почему не умчался было с ней и я!

ДЛЯ ЧЕГО МНЕ ЖИЗНЬ ДАНА

Нахальство дерзкое природы,
Для чего мне жизнь дана —
Иль так для пыток и невзгоды,
Иль для мщенья на мне зла?!
Иль дана не для цели тайной —
И напрасны все мои страданья —
Дана по игре случайной
Законов общих мирозданья!
Дана ль для того или другого,
Но она — родник с язвительною течью:
Заместь воды глотка живого,
Утоляет жажду мою желчью.
Извольте-ка все обнимать душою,
Все любить, всем восхищаться,
А жить одной безумною мечтою
И в грязи блекнуть и терзаться!
Или, когда вокруг разгулье раздается,
Вокруг любовь, пиршества и свет,
Извольте в холоде с голодом бороться
И бесцельно вянуть в цвете лет!
Жизнь! Лелей уж сытых, изнеженных тобою,
Откармливай им еще тучнее брюхо, морды,

А с меня не смейся, не насильствуй надо мною,
Не мучь... пойди, ведьма злая, к черту!

К МОГИЛЕ

Скажи, безмолвная могила,
Что в тебе утаено:
Или иная жизнь и сила,
Или тление одно?
Проясни окутанное тьмою,
Чтоб душою не томиться,
-Какой к тебе направиться тропою,
Чему верить и молиться!
Иль ты безответна, мертва и пуста,
В тебе тленье — жизненный венец?
Неужель догадка справедлива и чиста,
Что ты всему, всему конец!

Хотя я в могиле жажду поселиться,—
Нет места в жизненном веселье,—
Но не могу никак с мыслью примириться,
Что и наяву свершу то новоселье!
Что надо мной навеки мрачный свод замкнется,
Остановится сердце, червь по телу поползет,
И еще, может, что таинственно-ужасное коснется...
Ох!.. Какой ужас томительный встает!

ФАНТАЗИЯ

Была пора восхитительная мая.
Пыталось нежно солнышко в лазури голубой
И, венцом лучей златых сверкая,
Горячо целовалось с наряженной землей.
Ликовала вся пышная природа,
Сад в упоеньи аромата молча цвел,
Щебетали птицы под тенью узорчатого свода,
И, переливаясь, соловей торжественно гремел.

Но юноше немило было ликованье,
Не восторгало груди его больной —
Стоял он, отягченный тягостным страданьем,
Стоял в саду недвижимый, немой.
Его грудь отчаяньем стучала,
Сверкал безумной злостью взгляд,
И на лице страдальческом лежала
Дум мучительных печать.
Чего же он в летах цветущих увядал,
Изнемогал, как от язв мучительных борьбы?
Увы! Весь сок юной жизни пожирал
Червяк прожорливый судьбы.
И вот-то средь мучений, средь тревог
Жизни счет последний юноша сводил,
Но не успокаивал его бессмысленный итог,
А лишь, раздражая, в нем отчаянье будил.
Была ему жизнь — враг ненавистный и лукавый,
Разъяренный хищный зверь;
Решил он свершить с ней суд кровавый,
И в руке его дрожащей сверкнул револьвер.
Долго он пытался удержаться,
Чего-то все боялся и чего-то ждал —
Страшно было с жизнью расставаться,
Но, побежденный отчаяньем, сказал:
"Веселится даже и бездушная природа,
Все вкушает сладость бытия,
Зачем же я предан в жертву гнета
И лишен вкушений сладких один я!
Много уж я верил, много ждал,
Хватал не раз, о жизнь, одежды твоей край,
Терзаясь жаждал счастья и мечтал,
Но бесплодно все... я лишний здесь... прощай!.."
И навел курок на лоб бледный, и... сбершилось!
Уснул бедняжка вечным сном небытия;
Под выстрел звонкий тело мертвое свалилось,

И ковер травы обагрила алая струя...
Воскурялось сада благовонное кадило,
Замолкли птицы, соловей на ветке встрепенулся.
Солнце его поцелуями жаркими будило,
Но он уж, бездыханный, не проснулся.
И заключили труп его окровавленный
Во мрак могилы вековой...
Так вот где ты, утомленный,
Нашел себе покой!

Ты обласкана судьбою,
Счастлива и богата,
Сияешь красотою
И пышностью наряда,
Но ты мертва пред природой,
К горю людей равнодушна,
Тяготишься мертвой заботой —
Неужель ты бездушна!
Такова роза летом —
И ней пленяется всяк,

Не зная, что меж ее цветом
Гнездится червяк.

Ты в ход пускаешь обман,
Бессмысленно гордишься собой,
Всему предпочитаешь карман —
Не ищи же сближенья со мной.

ЛЕТОМ

1

Погасли на небе звезды:
Воспламенился на востоке пожар;
Выплывает торжественно-гордо
Величественный солнечный шар.

С влажно-тучной долины
Пар клубится волной;
Лугов пышных равнины,
Искрясь, сверкают росой.
Проснулись сонмы пернатых
На благовонных ложах садов;
Льются трелей раскаты
И упоительные ароматы цветов.
Весело мушки, ныряя, парят
В ароматных воздушных волнах,
Звонко пчелки жужжат
На заплаканных душистых цветах.

2

С лазурного трона гордо глядит
Властелин царственный дня;
Ослепительным блеском горит
И льет всюду потоки огня.
В голубом беспредельном просторе
Царит тишина и покой,
И, будто волны кристальные в море,
Сверкая, переливается зной.
Блещут луга позолотой лучей,
Трещат, торжествуя, жучки,
Дремлют вербы, глядя в ручей,
И дремлют на цветах мотыльки.
Сад, упоенный пахучестью сладкой
И зноем объятый, молчит,
Лишь птичка цюикнет украдкой,
Да иволга сквозь сон зазвучит.

3

Устал властитель света могучий,
Бледнеет лучей жгучих корона,
И он под гимн пернатых гремучий

Опускается торжественно с трона.
Запад пожаром пылает,
Роняя всюду отблеск огня,
В море багряном шар утопает,
И тихо опускается занавес дня.
Стемнело... Жуки, мелькая, гудят,
Дышит аромат и прохлада;
Пылая, звезды с неба глядят,
И тихо выплывает луна из-за сада.
Стелятся теней узоры
В садах, объятых тишиной,
И леса, долины и горы
Таинственно серебрятся луной.

В МОЕМ ЖИЛИЩЕ

Безжизненно в хате, уныло, сурово —
Над головой угрюмо висит глиняный свод,
Под ногами слоится сор и солома,
И на дряхлых окошках искрится лед.
Резкий холод в полумраке клубится волною,
Дыханье из уст превращается в пар,
Из раненой печки стелется дым пеленою
И сквозит удушливо-смрадный угар.
А я!.. Терзаюсь, как животное под тяжким ударом,
Как пес замерзший, согнувшись, сижу,
Пронизанный холодом, упоенный угаром
И весь посинелый в оцепененьи дрожу.
В груди утомленной, волнуется ад,
Мечты беспрерывно катятся валом,
Но и им, бесплодным, я рад,
Когда хоть льстятся обманом.
Что ж это!., сладость, смысл бытия?
Стоит ли жить — томиться чрез силу,
Смотреть, когда жалит змея!
Нет!., в могилу, в могилу!

К ПРИРОДЕ

Привет тебе, природа святая,
Привет тебе, жизнь, чуждая тли —
Цвет неувядаемый рая —
Привет тебе, непонятная прелесть земли!
Ты, как прекрасная, молодая девица,
Играя, властвуешь мной.
Как могучая, непобедимая никем чаровница,
Влечешь к себе невидимо-непонятной рукой.
Влечешь на луг, лоснящийся душистой травою,
В лес генистый, на речную тихую гладь,
И там говоришь, играешь с душою,
Заставляешь восторгаться и безумно мечтать.
Ты одна даришь мне блаженство тиши,
Одна облегчаешь бремя невзгоды.
Привет же тебе, владычица злополучной души —
Божественно-святая природа!

НИЩИЙ

Ночь... Небо облаками закрыто.
Все живое давно уже спит;
Лишь ветер бушует сердито,
Да мороз жгучий скрипит.
Кто ж это утомленный плетется
По сугробам дороги пустой
И, весь озябши, трясется,
Сгорбясь под дырявой сумой?
Это боец жизненной тяжкой борьбы —
Старик весь избитый, больной,
Отданный на произвол капризной судьбы
Бездушной, сытой толпой.
И вот он в несносно плохом сиряке,
В сапогах, раскрытых по шву,
С палкой в дрожащей руке
Плетется, где б склонить седую главу.

Откликнется ли кто на его жалкий запрос,
Будет ли кто несчастному рад,
Приютит его, иль приютит мороз?!
Бедный страдающий брат!
Что же он так тяжко страдает
На склоне старческих дней,
Иль. в мире земли не хватает,
Иль этот мир без людей?
Нет!.. Это мир убийства и лжи,
Мир довольства бездушных слепцов,
Мир безумной, подлой наживы,
Мир мучений бессильных, честных бойцов!

НЕВЕРНОМУ ДРУГУ

Так вот какой ты мне друг:
Раньше дарил меня льщеньем,
А теперь, когда меня терзает недуг,
Даришь гордостью и явным презреньем.
Итак, льщенья все твои лживы,
Ты сердцем и душою мертвец,
Ты друг не души, а наживы —
Прощай же, жалкий глупец!

Как мучительно терзаться
В жгучей жажде света
И как тяжко оставаться
В тюрьме мрачной без просвета.
Сколько в груди впечатлений,
Любви, восторгов, и трудов,
Сколько стонов и мучений —
Сколько угнетенных слов!
Они, сливаясь, волнуются без связи
И замирают, утомленные, в тревоге —
Много тьмы и грязи,
Много терна на дороге.

И так перетлеет бесплодно жар,
Что в груди сверкает и клубится,
И... пойдет в землю божий дар...
Ах!., лучше б было не родиться.